

Соч.: *Дерево в огне* / вступ. статья А. М. Туркова (то же в кн. Т. «Открытое время. Портреты. Проблемы. Полемика». М., 1975); сост. и примеч. Ю. Тумялиса. Вильнюс, 1969; 2-е изд. Вильнюс, 1983; *Стихотворения* // Литовские поэты 20 в. Л., 1971; Из несобранных и неопубликованных стихотворений Балтрушайтиса / подгот. Ю. Тумялиса. *Literature ir Kalfa*. Т. 13. Vilnius, 1974; *Asary vainikas* = Венок из слез. Kaunas, 1942. *Poezija*; Vilnius, 1976; Письма к В. С. Миролубову и Р. В. Иванову-Разумнику / публ. Б. Н. Капелюш // Ежегодник ОР ИРЛИ. Л., 1979.

Лит.: Эренбург И. Портреты современных поэтов. М., 1923. С. 11–12; Белый А. Начало века. М.; Л., 1933. С. 185, 205, 381–382 и др.; Каверин В. Косой дождь. М., 1963; Коонен А. Страницы из жизни. М., 1975; Айвазян К. В. О некоторых русских поэтах — переводчиках «Поэзии Армении» // Брюсовские чтения 1966. Ереван, 1968. С. 244–258; Каунайте М. Таким я помню... // Литва литературная. 1971. С. 155–163; Лидин В. Ю. Балтрушайтис // СС. М., 1974. Т. 3; Купченко В. Ю. Балтрушайтис и М. Волошин // Дружба народов. 1978. № 1; Зленко Г. Два приезда Балтрушайтиса // Литва литературная. 1980. № 3; Ковалева Ю. В. Брюсов и Ю. Балтрушайтис // Брюсовские чтения 1980. Ереван, 1983; Дауегите В. Ю. Балтрушайтис. Вильнюс, 1983; ЛН. Т. 85.

С. С. Грешишкин

БАЛЬМОНТ Константин Дмитриевич [3(15).6.1867, поместье близ д. Гумнищи Владимирской губ.— 24.12.1942, Нуази-ле-Гран, близ Парижа] — поэт, прозаик, переводчик, критик. Ударение в фамилии

К. Д. Бальмонт

(Бальмонт, Бальмон́т) регламентации не подлежит (см.: Азадовский К. М. Бальмонт // Русские писатели: биобиблиографический словарь. М., 1990. Т. 1. С. 59).

Вырос в небогатой дворянской семье. Отец — земский деятель, более всего увлекающийся природой и охотой, влияния на сына не имел. Мать выступала в местной печати, устраивала лит. вечера, любительские спектакли и т. д. Именно она ввела сына в мир музыки, поэзии, истории, научила понимать красоту, которой, как считал Б., будет насыщено все его творчество.

Критики много писали о революционных настроениях Б. Скорее, это была дань моде. Так, в 1876–84 Б. учился в классической гимназии г. Шуи и был исключен за принадлежность к «революционному» кружку. Связи родителей помогли ему закончить гимназический курс в г. Владимире (1886), а затем поступить на юридический ф-т Московского ун-та, откуда Б. вновь был исключен и выслан на родину под негласный надзор полиции за участие в студенческих волнениях. В 1888 вновь поступает в ун-т, но на этот раз бросает занятия сам. В следующем году пытается продолжить образование в Демидовском юридическом лицее г. Ярославля, но вновь отказывается от этой идеи, т. к. все более определяется в своем лит. призвании. Кроме того, печально заканчивается результат «напряженной жизни сердца» — первый брак. В 1890 Б. пытается покончить жизнь самоубийством, выбросившись из окна (автобиографические рассказы «13 марта», «Воздушный путь» и др.), после чего следует длительное лечение. Но эта история в корне изменила мировоззрение Б. Он «научился великолепной сказке жизни, понял ее святую неприкосновенность. И когда, наконец, встал, его душа стала вольной, как ветер в поле, никто уже над ней не был властен, кроме творческой мечты, а творчество расцвело буйным цветом» (рассказ «Белая невеста») В этом же году в Ярославле выходит первая книга Б.— «Сборник стихотворений». Первые произведения, вошедшие в книгу, были опубликованы еще в 1885 (ж. «Живописное обозрение». № 48) и встретили, благодаря народническим настроениям, сочувственное отношение В. Г. Короленко. Но сама книга интереса у критики не вызвала, а близкие люди ее не приняли. Несмотря на это, Б. начинает почти подвижнически заниматься лит. деятельностью. Настоящий успех вначале приносит ему многочисленные переводы (Байрон, Шелли, Брандес, Бьернсон, Ибсен, Кальдерон, Лопе де Вега,

индийская лит-ра и др.), о которых он пишет также статьи и рецензии. На этой почве происходит знакомство и сближение Б. с высококультурным меценатом, знатоком западноевропейских лит-р князем А. И. Урусовым, который во многом способствует расширению лит. кругозора молодого поэта, а главное — помогает ему «найти самого себя», задуматься о природе своего дарования. На средства Урусова Б. выпустил две книги переводов Э. По («Баллады и фантазии», «Таинственные рассказы»).

С середины 1890-х начинается все более возрастающая широкая и шумная популярность Б. В. Брюсов, ставший в эти годы, по словам Б., его «другом-братом», вспоминает, что в течение десятилетия Б. «царил повелевающим в нашей поэзии» (Перцов П. П. Лит. воспоминания. М.; Л., 1933. С. 265 и др.). Это связано с наивысшим расцветом его худож. дарования и со своеобразным положением, которое Б. занимает в русском символизме. С одной стороны, он становится одним из лидеров снискавших достаточно скандальную славу русских «старших символистов» (Б. публикует не только популярнейшие сб. «Под северным небом», 1894; «В безбрежности», 1895; «Тишина», 1898, но и программное выступление «Элементарные слова о символической поэзии», 1900), а с другой — Б. понятнее и ближе читающей публике: он менее шокирует ее, чем В. Брюсов, более «доступен», чем Д. Мережковский и В. Соловьев, даже в самых трагических его интонациях нет той роковой отъединяющей безнадежности, что у Ф. Сологуба, и т. д. В результате и критика, и читатели воспринимали его и как новатора, открывшего мн. возможности русского стиха, намного расширившего его изобразительность, пусть временами даже эпатажирующего (А. Урусов назвал «Горящие здания» психиатрическим документом), но все-таки «своего», близкого, не разорвавшего с «привычным», имеющего определенные традиции, во мн. связанного с наследием А. Фета, Ф. Тютчева, Е. Баратынского. Кроме того, именно на эти годы пришелся наивысший «всплеск» революционной активности Б., что, в свою очередь, способствовало росту его популярности и в радикально настроенной среде.

«Звездное» десятилетие представляет два этапа развития Б.-символиста, как бы воплотившего в себе одном две разные линии старшего поколения. Вначале — неясное томление, тоска «о чем-то неземном», вплоть до интереса к потустороннему, «запредельно-

му» миру, неприятие реальности и противопоставление ей мечтаний, фантазий, сновидений (при этом свойственная ряду старших символистов вполне реальная убежденность в своей гениальности), а также повышенный интерес к филигранной музыкальности стиха, звукопись. Затем, начиная со сб. «Горящие здания: Лирика современной души» (1900) и далее в сб. «Будем как солнце. Книга символов», «Только любовь. Семицветник» (обе — 1903) — превращение «элегического» героя Б. в свою противоположность. Он становится активной личностью, почти с оргиастической страстью утверждающий именно в этом мире устремленность к Солнцу, Огню, Свету (созвучные общественным настроениям излюбленные символы Б.). Бесчисленное количество полутонов и «размытых» оттенков сменяется в его стихах половодьем контрастных, ослепительно ярких красок. Но их блеск оказывается недолговечным. Уже в 1905 в творчестве Б. начинает ощущаться, по словам А. Блока, «перелом» (А. Блок. СС. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 547. В. Брюсов усматривает это еще раньше), о чем свидетельствуют сб. «Литургия красоты. Стихийные гимны» (1905) и в особенности сб. «Птицы в воздухе. Строки напевные» (1908) и «Хоровод времен. Всегласность» (1909). Немногим отличаются и сб. «Зарево зорь» (1912), «Ясень. Видение древа» (1916) и «Сонеты Солнца, Неба и Луны» (1917). В 1915 Б. публикует теоретический этюд «Поэзия как волшебство» — своеобразное продолжение декларации 1900 «Элементарные слова о символической поэзии». Становится все более очевидным, что Б. остановился в своем развитии, что он повторяется, что созданная им худож. система в новых условиях начинает ощущаться как автопародия. «Мы далеко ушли вперед, он остался на одном месте», — констатировал В. Брюсов (Перцов П. П. — С. 265).

Былая власть Б. над умами и сердцами современников кончилась, но активная творческая работа продолжалась. Особую роль в писательской судьбе Б. сыграли многочисленные путешествия. Современники говорили, что он путешествовал более, чем все русские писатели вместе взятые. В 1896–97 он побывал во Франции, Англии, Бельгии, Швейцарии, Испании, в 1905 — в Мексике и Калифорнии. Живя в 1906–13 в Париже (на положении политического эмигранта), он посещает Балеарские острова (1907), Египет (1910), Канарские острова, Африку, Австралию, Новую Зеландию, Полинезию, Цейлон,

Индию, Новую Гвинею (1912). В 1916 уже из России едет в Японию. Все это так или иначе отразилось в его творчестве. Очерки о Мексике и «переложения» индейских мифов составили книгу **«Змеиные цветы»** (1910), очерки о Египте — книгу **«Край Озириса»** (1914), впечатления от Океании — поэтический сб. **«Белый зодчий. Таинство четырех светильников»** (1914), поездка в Индию увенчалась «пересказами» древнеиндийских памятников и т. д. Многочисленные переводы, бывшие результатом путешествий Б., в большинстве случаев делались с подлинников (Б. считал, что изучил почти полтора десятка яз.). Правда некоторые из них подвергались критике за неточность (М. Волошин, К. Чуковский и др.), но Б. и не стремился к точности — ему важно было передать «дух» подлинника, как он его ощущал.

Много путешествовал Б. и на родине — средняя Россия, Волга, Урал, Сибирь, национальные регионы... В апр. 1914 он впервые побывал в Грузии. Очарованный ею, он изучает грузинский язык и создает один из самых замечательных переводов поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», которую считает лучшей поэмой о любви, когда-либо созданной в Европе («огневой мост, связующий небо и землю»).

Интерес к родине «предков» и дружба с русско-литовским поэтом-символистом Ю. Балтрушайтисом еще в 1908 увенчались переводами литовских дайн. Проблема же русских национальных истоков поэзии Б. остается остро дискуссионной. Впрочем, здесь Б. разделяет судьбу практически почти всех представителей русского модернизма, за исключением неонароднической его линии. Русская, а точнее — славянская идея, безусловно, присутствует в творчестве Б., на протяжении всей жизни он отстаивает мысль о духовном единстве славянских народов («**К славянам**» и др. стих.). В ряде его произведений встречаются русские фольклорные сюжеты, экзотическая былинная старина (сб. **«Злые чары. Книга заклятий»**, 1906; **«Жар-птица. Свирель славянина»**, 1907; **«Зеленый вертоград. Слова поцелуйные»**, 1909, и др.). Б., без сомнения, патриот, но признать его истинно национальным поэтом вряд ли возможно. По словам Вяч. Иванова, Б. «не обнаруживает связи с Русской землей, поскольку земля — вообще чуждая поэту стихия. Его душа родственна морю, ветру, огню». Так же сложно обстоит дело с проблемой революционности Б. Гуманистические взгляды, демократизм, проявившиеся уже в юности, приводят в мае 1901

к тому, что за публичное чтение не оговоренного в программе стих. **«Маленький султан»** (отклик на разгон студенческой демонстрации, содержащий прямые угрозы в адрес властей) Б. лишается права проживания в столичных университетских городах сроком на 2 года. В 1905–07 он сотрудничает с М. Горьким, пишет ряд стих. (впрочем, в худож. отношении очень слабых), прославляющих «сознательных смелых рабочих» и обличающих их угнетателей (**«Стихотворения»**, 1906 — этот выпуск изд-ва «Знание» был запрещен и конфискован полицией; позднее был запрещен ввоз в Россию изданного в 1907 в Париже сб. **«Песни мстителя»**).

Февральскую и даже Октябрьскую революцию 1917 Б. вначале тоже прославляет в своих стихах (**«Предвозвещение»** и др.), но «хаос» и «ураган сумасшествия» Гражданской войны категорически не приемлет. Он держится по отношению к власти достаточно лояльно — выступает в печати, работает в Наркомпросе, готовит к изд. стихи и переводы, читает лекции. Но в опубликованной в 1918 брошюре **«Революционер я или нет?»** совершенно откровенно заявляет о том, что большевики — носители разрушительного начала, подавляющего личность. Б. убежден, что поэт должен быть вне партий, что у поэта свои пути, своя судьба — он скорее комета, чем планета (т. е. движется не по определенной орбите). Друзья опасаются, что при его вольнолюбии и страстности он может и надерзить какой-нибудь революционной «особе». Ю. Балтрушайтис, исполнявший в те годы обязанности литовского посла в России, через А. Луначарского сумел организовать для Б. командировку за границу. 25 июня 1920 Б. покинул Россию — навсегда.

Во Франции, где Б. прожил большую часть оставшейся жизни, он вначале активно сотрудничает в газ. «Парижские новости», ж. «Совр. записки» и др. периодических изд., регулярно публикует в разных городах и странах книги стихов: **«Дар земле»**, **«Светлый час»**, **«Гамаюн»** (все — 1921), **«Марево»**, **«Песни рабочего молота»** (обе — 1922), **«Мое — Ей: России»** (1923), **«В раздвинутой дали. Поэма о России»** (1929), **«Северное сияние»** (1933), **«Голубая подкова. Стихи о Сибири»**, **«Светослужение»** (обе — 1937). В 1923 выходят 2 книги его автобиографической прозы: **«Под новым серпом»** и **«Воздушный путь»**, в 1924 — книга очерков **«Где мой дом?»** Активно работает Б. и как переводчик литовских, польских, чешских и болгарских поэтов. В 1930 публикует перевод

«Слова о полку Игореве». Несмотря на то, что в творчестве Б. 1920–30-х встречаются негативные оценки революционных событий, он очень тоскует по Родине и оставшейся в России дочери — ей посвящен сб. **«Фейные сказки»** (1905).

Ностальгические настроения, свойственные лит-ре Русского зарубежья, пронизывают и мн. произведения Б.: «И все пройдя пути морские, / И все земные царства дней, / Я слова не найду нежней, / Чем имя звучное: Россия» (**«Она»** и др.). Г. Адамович написал в статье к 70-летию Б.: «Бальмонт не писал стихов, Бальмонт пел песни, и его слушала вся Россия». «История лишила его этой аудитории, а он продолжал петь о том же самом...» (Избранное / вступ. статья Е. Ивановой. М., 1989. С. 43). Почти за 100 лет до Б. возник термин «легкая поэзия», который критика отнесла к стихам его тезки К. Батюшкова. Судьба дала Б. столь же легкую для своего времени изящную, изысканную, музыкальную поэзию и столь же тяжелое психическое заболевание, так же осложненное трудными условиями быта. Последние годы жизни Б. практически не писал. Совр. исследователи, усматривающие в его творчестве соединение символизма, импрессионизма и веры в «идеальное» будущее человечества, склонны считать его художником «неоромантического» направления в искусстве конца XIX – начала XX вв. (Азадовский К. М. — С. 60). Как бы то ни было, Серебряный век немыслим без произведений Б. — классика старшего поколения русских символистов. «За 19 лет общения с Бальмонтом я к нему не привыкла, — писала М. Цветаева. — В присутствии Бальмонта всегда чувствуешь себя как в присутствии высшего» (Цветаева М. Соч.: в 2 т. Минск, 1988. Т. 2. С. 282).

Соч.: Полн. собр. стихотворений. М., 1908–14. Т. 1–10; Стихотворения. Л., 1969; Избранное. Переводы. Статьи. М., 1980; Золотые россыпи. Избранные переводы. М., 1990; Стозвучные песни: Соч. Ярославль, 1990; Где мой дом? Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма. М., 1992; СС: в 2 т. Можайск, 1991; Избранное. СПб., 1997.

Лит.: Белый А. Бальмонт // Луг зеленый. М., 1910; Брюсов В. Далекое и близкое. М., 1912; Орлов В. Н. Бальмонт: жизнь и поэзия // Перепутье. М., 1976; Анненский И. Бальмонт лирик // Книга отражений. М., 1979; Цветаева М. Слово о Бальмонте // Соч.: в 2 т. М., 1984; Константин Бальмонт и мировая культура. Шуя, 1994; Константин Бальмонт, Марина Цветаева и худож. искания XX века // Межвузовский сб. науч. трудов. Иваново, 1993. Вып. 1; 1996. Вып. 2; 1998. Вып. 3; 1999. Вып. 4; Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания. М., 1997.

К. Ф. Бикбулатова

БАРАНСКАЯ Наталья Владимировна [18(31).12.1908, Петербург — 29.10.2004, Москва] — прозаик, литературовед.

Родилась в семье профессиональных революционеров. Мать, Л. Н. Радченко, была среди основателей Союза борьбы за освобождение рабочего класса, участвовала в организации социал-демократической газ. «Искра». Отец, В. Н. Розанов, — племянник В. В. Розанова, врач по образованию, один из организаторов транспортировки и распространения «Искры» в России. На II съезде РСДРП Л. Н. Радченко и В. Н. Розанов примкнули к меньшевикам. И до революции, и при советской власти родители Б. не раз арестовывались, высылались из столичных городов.

В 1925 Б. окончила Первую опытную школу МОНО и поступила на Высшие гос. лит. курсы Моспрофобра. В преподавательском составе этих курсов удивительным образом сочетались старая профессура, отвергаемая за «реакционность», и молодые литературоведы, осуждаемые за «формализм», в преподавании сочетались творческое и искусствоведческое направления. В 1930 Б. окончила эти курсы и одновременно историко-этнологический ф-т МГУ. Жила с сосланный матерью в Воронеже, работала в местном изд-ве. После ареста и высылки Л. Н. Радченко в Казахстан Б. уехала из Воронежа в Москву, а оттуда, вслед за сосланным первым мужем, в Уральск, где работала в редакции газ. «Прикаспийская правда». После окончания срока ссылки мужа Б. уехала вместе с ним в Саратов, где также работала в изд-ве. В 1936 муж Б. был арестован и отправлен в воркутинские лагеря. Еще до его ареста Б. вернулась в Москву, работала экскурсоводом. В мае 1937 она вышла замуж за своего родственника Н. Н. Баранского и вновь уехала в Саратов, где в ун-те исследовала связи лит-ры и фольклора. В 1940 Б. вместе с Н. П. Анциферовым и И. В. Андросовым готовила в ГЛМ Ломоносовскую выставку.

Н. Н. Баранский в 1943 погиб на фронте. В окт. 1943 Б. вернулась в Москву из эвакуации с Алтая. Работала в ГЛМ, окончила аспирантуру МГУ. В конце 1950-х Б. стала заместителем директора по науч. части в Сосковском музее А. С. Пушкина. В 1966 после выступления И. Бродского на вечере памяти А. А. Ахматовой и появления на выставке в фойе музея фотографии Н. С. Гумилева Б. была вынуждена оставить работу в музее.

В 1968 в «Новом мире» были опубликованы первые рассказы Б. — **«Проводы»**,